

— Ваше Высочество, неужели в этом мире существует такая, раздирающая душу, сестринская привязанность? Вы, находясь в ней, сами того не осознаёте, но ваше выражение лица, когда вы только что упомянули её, явно выдаёт ваши чувства.

Влюбилась... Чжао Цзыянь медленно опустила голову, но её чувство было обречено на безнадежность.

— Цзыянь?

У неё внезапно раздался голос той самой, кто лишила её душевного покоя. Глаза Чжао Цзыянь на мгновение сверкнули, но она лишь горько усмехнулась. Даже в такой ситуации только она одна оставалась слепой.

Вспомнив последние дни и ту едва уловимую холодность Фу Яньцин, она закрыла глаза. Даже другие заметили это, а она сама осознала только сейчас. Возможно, так и лучше. Такое поведение Фу Яньцин, вероятно, указывало на то, что она не желает принимать эти нелепые чувства, а сама Чжао Цзыянь не могла ничего дать. Пусть всё останется как есть. Поддержание нынешнего спокойствия и уюта уже было милостью судьбы.

Она поднялась, изо всех сил стараясь успокоить бурю боли, бушующую в сердце, сохраняя на лице привычную улыбку, и мягко открыла дверь.

Увидев её, Фу Яньцин слегка изменилась в лице. Она протянула руку и схватила её за ладонь, и в её голосе трудно было скрыть тревогу:

— Что с тобой?

Видя её такой, Чжао Цзыянь почувствовала укол в сердце. Чувства, казалось, были именно такими: пока их не осознаёшь, можно обманывать себя, но как только тонкая вуаль спадает, сердце внезапно проясняется. Один лишь взгляд или жест другого человека может беспрепятственно проникнуть в самую душу.

Она с трудом подавила эмоции и легонько улыбнулась:

— Всё в порядке, просто немного устала.

Сказав это, она положила руку на живот:

— И ещё немного проголодалась.

Лицо Фу Яньцин стало серьёзным:

— Но у тебя плохой цвет лица, и руки очень холодные.

Чжао Цзыянь отвела взгляд:

— Когда голодна, то естественно...

Фу Яньцин не дала ей возможности оправдываться:

— Если ты действительно голодна, почему не пошла есть? Зачем прятаться в комнате одной?

Чжао Цзыянь редко видела её такой серьёзной; казалось, она намерена докопаться до сути. Она перестала шутить и, подняв глаза, пристально посмотрела на Фу Яньцин.

Её взгляд был прямым. Она смотрела на неё так, словно хотела заглянуть ей в душу, но в нём читалась сильная эмоция, которую Фу Яньцин побоялась интерпретировать. Вся её прежняя решимость была подавлена Чжао Цзыянь.

Когда Фу Яньцин уже не могла больше сдерживаться, Чжао Цзыянь отвела взгляд и тихо сказала:

— Мне просто немного грустно, некоторые вещи меня утомляют.

У Фу Яньцин перехватило дыхание. Эта Чжао Цзыянь, казалось, несла в себе отблеск прошлой жизни, наполненный мрачностью, но при этом гораздо большей уязвимостью.

— Три года назад ко мне внезапно пришла группа людей из Цзянху. Они сказали, что их господин приказал им считать меня своим лидером. — Чжао Цзыянь слегка сжала пальцы в рукаве, прежде чем спокойно продолжить.

— Люди из Цзянху? Но они, должно быть, не любят связываться с императорским двором? — Услышав её слова, Фу Яньцин удивилась, но почувствовала облегчение.

— Верно, мне это показалось странным, но тогда они действительно следовали за мной, а я как раз находилась в критический момент, поэтому приняла их. Позже я узнала, что они были известными в Цзянху членами Призрачного терема.

Призрачный терем? В Цзянху ходили слухи, что бойцы Призрачного терема подобны злым духам: их следы загадочны, а методы жестоки. Однако с тех пор, как более двадцати лет назад они почти исчезли из виду, почему они обратились к одинокой принцессе? И тот человек явно знал о существовании Чжао Цзыянь, но кто в Цзянху мог быть связан с принцессой, никогда не ступавшей в этот мир?

Просто, в прошлой жизни Супруга Сяо Шуи несколько раз приказывала Чжао Моцзянь устранить Чжао Цзыянь, отправляя бесчисленных убийц, но ни разу не добилась успеха, и в итоге Чжао Цзыянь благополучно вернулась на земли Шу. Если бы тогда у неё была такая группа людей, это было бы логично.

— Тебя беспокоит тот, кто стоит за Призрачным теремом? — тихо спросила Фу Яньцин.

— Да, в последнее время Чимэй и другие самостоятельно приняли некоторые решения, вероятно, по указанию того человека. Прошло три года, и Призрачный терем почти полностью под моим контролем. Я знаю, что они не желают мне зла, но тот человек не стал бы защищать меня без причины. Я долго размышляла об этом и могла думать только об одном человеке. — В глазах Чжао Цзыянь читалось раздражение, казалось, она очень устала.

Голос Фу Яньцин невольно смягчился:

— Ты имеешь в виду свою мать?

Чжао Цзыянь сникла и кивнула. Её взгляд устремился вдаль, выражение лица стало рассеянным:

— Все эти годы во дворце никто не осмеливался упоминать мать. Даже служившие ей евнухи и служанки были dispersed без следа. Когда мать ушла, я была ещё маленькой, но смутно помню, что в последний раз я её не видела, даже её тело мне не показали. Я лишь узнала от тётушки Му и от всех во дворце, что её больше нет. Не было похорон, и во всём дворце только мы с

тётушкой Му оплакивали её.

Её голос звучал спокойно, но Фу Яньцин чувствовала, что каждое слово было пропитано кровью и слезами, отчего у неё сжалось горло:

— Цзыянь.

Чжао Цзыянь опустила голову и улыбнулась:

— Со мной всё в порядке. Прошло уже четырнадцать лет, я даже забыла, как она выглядела.

Она говорила так, но Фу Яньцин прекрасно понимала. Когда она вытащила её, ещё маленькую, из озера Тайе, та, находясь в полубессознательном состоянии, обнимала её и звала мать, словно раненый зверёк, с глубокой привязанностью. Иногда, даже если внешность забыта, чувства не могут быть стёрты временем, особенно для Чжао Цзыянь.

Хотя она и предупреждала себя, что нужно остановиться на краю пропасти и ни в коем случае нельзя позволять себе погружаться в бездну, но сейчас, глядя на этого человека, который притворялся, что всё в порядке, она больше не могла сдерживаться. Её сердце разрывалось от боли, и она мягко обняла эту хрупкую и худую фигуру:

— Цзыянь, не говори больше, я понимаю.

Тёплое и мягкое тело теперь было в её объятиях. Её тихий голос передавал вибрацию, которая на таком близком расстоянии проникала в душу, заставляя её тяжёлое и горькое сердце внезапно забиться быстрее. Раньше она говорила себе, что ей больше ничего не нужно, но сейчас нежные объятия Фу Яньцин разрушили всё её самообладание.

Глаза ныли. Она покраснела, изо всех сил стараясь держать их открытыми, боясь, что не сможет сдержать слёзы. Она посмотрела вниз на человека в своих объятиях, медленно подняла руку, слегка дрожа, словно хотела обнять её в ответ, но, почти коснувшись одежды, сдержалась и сжала кулаки. Затем она мягко оттолкнула Фу Яньцин и хрипло сказала:

— Спасибо тебе.

Фу Яньцин крепко сжала губы и наконец тихо произнесла:

— Я понимаю, в чём ты сомневаешься. Не дави на себя слишком сильно. Какой бы ни была правда, я буду с тобой, мы пойдём этим путём и найдём ответы вместе.

Чжао Цзыянь посмотрела на неё, улыбнулась и серьёзно кивнула. Так и должно быть. В конце концов, этот человек действительно заботился о ней.

Фу Яньцин мягко улыбнулась, её взгляд скользил по её плоскому животу:

— Уже поздно. Он, наверное, уже проголодался. Если мы не пойдём есть, он начнёт буянить.

Чжао Цзыянь на мгновение замерла, затем её уши покраснели, но она серьёзно возразила:

— Он буянит только перед тобой. Раньше он был очень послушным.

Фу Яньцин приподняла бровь, делая вид, что сердится:

— Видимо, как и его хозяйка: хитрый, только и знает, что притворяться милым, чтобы получить

свое. — Сказав это, на её лице появилась слегка хитрая улыбка.

Фу Яньцин всегда была спокойной и зрелой. Такие улыбки даже в детстве Чжао Цзыянь видела редко. Она замерла, наблюдая, как Фу Яньцин поворачивается, вспрыгивает на ветку дерева и оглядывается:

— Если не придёшь, то буяннить уже не получится.

Чжао Цзыянь стояла на месте, наблюдая, как она уходит, и её улыбка становилась всё шире, яркой, как цветущий персик. Связать свои радости и печали с одним человеком — действительно не знаешь, чего больше: горечи или счастья.

Хотя ранее она мучилась и страдала, этот обед прошёл довольно гармонично, и даже те неприятные ощущения, которые преследовали их последние дни, рассеялись.

Чжао Цзыянь, как и ожидалось, снова съела три миски риса и выпила миску супа, а Фу Яньцин мягко наблюдала за ней.

Протянув ей салфетку, чтобы она вытерла рот, Фу Яньцин наконец заговорила:

— Сяо То сегодня должен был отправиться в поход, верно?

— Да, все чиновники провожали его. Он уже ушёл.

— Тогда вопрос с военным жалованием тоже нужно ускорить. Вероятно, Чжао Моцзянь той стороны уже начала действовать. — Фу Яньцин наблюдала, как Лоинь убирала со стола, и спокойно сказала.

Ещё раз напоминаю: обновления будут выходить в восемь тридцать вечера. Буду стараться обновлять каждый день, если не получится — предупрежу заранее. Не волнуйтесь из-за их самовнушения и отрицаний. В решающий момент, если бы они могли ещё подавлять свои чувства, это были бы уже не мои персонажи *^_^*

<http://bllate.org/book/16696/1533384>